

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

СОДЕРЖАНІЕ № 10

	СТР.
1. НОВАЯ КРОВЬ. Повѣсть И. Потапенко	1
2. СТИХОТВОРЕНІЯ. Дм. Семеновскаго	40
3. СЛУЧАЙНАЯ ЖИЗНЬ. Разсказъ Г. Яблочкова	45
4. ЗАТИШЬЕ. Романъ В. Сѣрошевскаго. (Продолженіе)	75
5. РАЗСКАЗЫ ПЬЕРА МИЛЛЯ. Переводъ съ французск. А. Полоцкой	119
6. ЭЛЕГІЯ. Стихотвореніе Н. Венгрова	134
7. ВЪРНОПОДДАННЫЙ. Романъ Генриха Маиа. Авторизованный переводъ съ рукописи А. Полоцкой. (Окончаніе).	135
8. НЕВѢСТА. Стихотвореніе А. Липецкаго	186
-----	
9. ВЕЛИКІЙ СѢВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ. Г. Гольдберга	1
10. СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ. (Русская курсистка). Л. Клейнборта	17
11. ТУЧКА ЗОЛОТАЯ. (Къ столѣттю со дня рожденія М. Ю. Лермонтова). А. Сжигова	41

личество всѣхъ родовъ оружія. Все, что обыкновенно поражаетъ воображеніе публики,—всѣ новѣйшія механическія чудовища разрушенія,—онъ опытной рукой спеціалиста ставитъ на принадлежащее имъ скромное мѣсто. И только руки, поворачивающія эти чудовища, интеллектъ, умѣющій ими пользоваться и укрываться отъ нихъ, получаетъ въ его анализѣ боевого плана рѣшающее значеніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что миѣніе такого спеціалиста, какъ генераль Персень, заставляетъ заново пересмотрѣть распространенные взгляды на сущность боя. И многое отбросить. Не касаясь совершенно тѣхъ выводовъ, которые должна сдѣлать отсюда государственная практика въ дѣлѣ образованія и воспитанія арміи (многіе изъ нихъ дѣлаетъ ген. Персень въ своей книгѣ), нельзя не остановиться на томъ, самомъ общемъ положеніи, которое вытекаетъ изъ его указаній.

И это самое общее положеніе заключается въ томъ, что современный бой происходитъ какъ бы на рубежѣ двухъ типовъ милитаризма. Книга ген. Персена рѣзко подчеркиваетъ, что за столѣтіями, которыя несли съ собою лихорадочное нагроможденіе матеріальныхъ средствъ войны, изобрѣтеніе и примѣненіе все болѣе разрушительныхъ орудій убійства,—наступаетъ какой-то переломъ въ связи съ новой соціальной структурой. Если механическія богатства боевыхъ средствъ и не исчерпали всѣхъ своихъ возможностей, то все же они теперь явно недостаточны, и дальнѣйшее ихъ развитіе является не усиленіемъ вооруженной націи, а попросту нагроможденіемъ мертвой матеріи. Ибо пришла надобность въ новомъ человѣкѣ, который сумѣетъ это нагроможденіе использовать.

Эта идея носится въ воздухѣ.

И, если мы обратимъ вниманіе на то, что и въ другихъ соціальныхъ конфликтахъ, гдѣ выступаютъ коллективныя силы, точно также поставлена задача о новомъ человѣкѣ, что Тэйлоръ со своей промышленной системой имѣетъ въ виду не дальнѣйшее усовершенствованіе машинъ, автоматическихъ станковъ и т. д., а улучшеніе рабочихъ рукъ, промышленное совершенствованіе самого рабочаго,—то и тѣмъ болѣе приходится признать за книгой генерала Персена большое симптоматическое значеніе.

Въ общемъ потокѣ соціальной жизни, хотя и въ условіяхъ смертоноснаго боя, она ставитъ тѣ же задачи и ищетъ тотъ же выходъ, что и на другихъ путяхъ соціальнаго развитія.

Сто лѣтъ назадъ и теперь.

I.

Старые историки-моралисты, искавшіе въ историческомъ прошломъ челоѣчества нравственнаго поученія, любили говорить объ «урокахъ исторіи». Въ ихъ устахъ эти уроки сводились къ очень элементарной и наивной прописной морали, поучающей ходячей сѣренькой добродѣтели,—умѣренности, аккуратности, скромности, смиренію, тихому и безмятежному обывательскому существованію, скрашиваемому развѣ воспоминаніями о разныхъ проявленіяхъ воинской отваги.

И современная научная исторія знаетъ уроки исторіи. Но она понимаетъ ихъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ историки стараго типа. Она вся построена на идеѣ закономерности, т. е. постоянной и необходимой послѣдовательности общественныхъ явленій, ихъ зависимости отъ общихъ, основныхъ причинъ. Пониманіе этой причинной зависимости невозможно безъ повторяемости общественныхъ явленій. Нѣтъ ничего болѣе невѣрнаго, какъ пресловутое утвержденіе, будто «исторія не повторяется». Конечно, повторяемость явленій не есть ихъ полное тожество во всѣхъ подробностяхъ, но это одинаково справедливо и по отношенію къ явленіямъ общественной жизни и по отношенію къ явленіямъ природы, изучаемымъ естествознаніемъ. Важно, что и тѣ и другія—и явленія природы и явленія общественной жизни—повторяются въ основныхъ и главныхъ чертахъ, бывають въ общемъ сходны между собою. Это и даетъ возможность научно опредѣлить ихъ причины и послѣдствія. И, слѣдовательно, мы получаемъ возможность сравнивать, подвергать сравнительному изученію, весьма плодотворному, событія и явленія, отдѣленные иногда другъ отъ друга цѣлыми столѣтіями. Это способно помочь намъ понять причины и послѣдствія совершающихся на нашихъ глазахъ, современныхъ намъ событій и явленій жизни общества. А такое пониманіе необходимо для того, чтобы разобраться и найтись въ сложныхъ условіяхъ современной жизни и опредѣлить правильную ли-

нію дѣйствія для удовлетворенія интересовъ широкихъ массъ общества и народа.

Сейчасъ вниманіе всѣхъ въ Россіи, да и не въ одной только Россіи, а, можно сказать, во всемъ мірѣ приковано къ великой міровой войнѣ. Конечно, большинство имѣетъ къ ней, по преимуществу, внѣшній интересъ: интересуется частностями борьбы, перемѣнами военного счастья, побѣдами, пораженіями. Конечно, многие заинтересованы, главнымъ образомъ, участіемъ своихъ близкихъ тамъ, на поляхъ кровавыхъ битвъ. Все это естественно и понятно. Но какъ ни напряжено любопытство, какъ ни велика жажда сильныхъ ощущеній, какъ ни законна сердечная боль за близкихъ, какъ ни тягостны всѣ ужасы войны,—нельзя только всѣмъ этимъ ограничивать свое отношеніе къ войнѣ. Надо еще осмыслить войну. Надо понять ея происхожденіе въ прошломъ, вліяніе въ настоящее время и послѣдствія въ будущемъ. Разумный, сознательный, мыслящій человекъ не можетъ и не долженъ откаazyваться отъ этой задачи первостепенной важности.

И здѣсь то, въ разрѣшеніи этихъ именно вопросовъ сравнительно-историческое изученіе можетъ принести великую пользу. Перелистывая великую книгу прошлаго, можно найти важный матеріалъ для сближеній, способныхъ пролить яркій свѣтъ на настоящее, нами переживаемое.

Изъ такихъ сближеній съ переживаемой нами современностью самымъ важнымъ является великая міровая война, происходившая сто лѣтъ тому назадъ отдѣльными, почти не прерывавшимися вспышками, обыкновенно носящими названіе наполеоновскихъ войнъ.

II.

Прежде, чѣмъ разбирать ихъ происхожденіе, характеръ и послѣдствія, въ чемъ и заключается истинный смыслъ всякаго научнаго изслѣдованія, необходимо хотя бы вкратцѣ возстановить фактическую обстановку дѣла, тотъ рядъ событій, въ которыя вылилась міровая война за столѣтіе до нашего времени.

Обыкновенно начало этой великой борьбы связываютъ съ великой французской революціей 1789 и послѣдующихъ годовъ и съ образовавшимся въ 1791 году первымъ союзомъ державъ противъ революціонной Франціи или такъ называемой первой коалиціей, въ главѣ которой стояли Австрія и Пруссія. Но эти революціонныя войны, закончившіяся миромъ въ Кампо-Форміо въ 1797 году, носили почти исключительно оборонительный характеръ: старая Европа, основами общественнаго и государственнаго строя которой оставались тогда еще крѣпостное право и самовластіе или абсо-

лютизмъ, напала на Францію съ цѣлью заставить и ее вернуться отъ демократической гражданской и политической свободы къ старому порядку, но встрѣтила рѣшительный и побѣдоносный отпоръ молодая французская буржуазія отстояла свою независимость отъ австро-прусскаго и своего отечественнаго, французскаго дворянства. И хотя по миру въ Кампо-Форміо Франція приобрѣла Бельгію и лѣвый берегъ Рейна, но то были приобретены съ цѣлью военной самозащиты—не болѣе. Эти революціонно-оборонительныя войны составляютъ, такимъ образомъ, особый циклъ войнъ, прямо не относящихся къ нашей темѣ. Важно въ нихъ для насъ сейчасъ только одно: во время нихъ во Франціи сложилась подъ вліяніемъ новыхъ послѣ революціи социальныхъ и политическихъ условій—главнымъ образомъ господства буржуазіи—новая буржуазно-демократическая армія, успѣшно борющаяся съ крѣпостными арміями остальной Европы.

Исходнымъ пунктомъ міровой войны прошлаго вѣка былъ разрѣшенный правительствомъ французской республики походъ генерала Наполеона Бонапарта на Египетъ въ 1798—99 годахъ. Этотъ походъ былъ предпринятъ съ цѣлью проложить торговые пути для французскихъ товаровъ въ сѣверную Африку и Индію и потому вызвалъ сильное противодѣйствіе со стороны Англіи. Тогда составила такъ называемая вторая коалиція противъ Франціи—изъ Англіи, Австріи, Россіи и другихъ государствъ, ознаменовавшая побѣдами Суворова въ Италіи, выходомъ Россіи изъ союза послѣ неудачъ въ Голландіи и Швейцаріи, итальянской кампаніей вернувагося изъ Египта Бонапарта. Война закончилась побѣдой Франціи, получившей по Люневильскому миру 1801 года сѣверную Италію; въ 1802 году былъ заключенъ и Амьенскій миръ съ главнымъ противникомъ Франціи—Англіей. Но то было, въ сущности, только перемиріе—временное для всей Европы, а для Франціи и Англіи даже кратковременное: спустя годъ послѣ Амьенскаго мира—въ 1803 году—Англія и Франція вступили въ новую войну, не прекращавшуюся съ тѣхъ поръ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, вплоть до низложенія Наполеона.

Эта длительная и упорная война не была однако все время единоборствомъ двухъ передовыхъ европейскихъ странъ. Время отъ времени—и чѣмъ позднеѣ, тѣмъ чаще и дружнѣе—въ ней принимали участіе, къ ней примыкали и другія, болѣе отсталыя страны. Въ 1805 году союзницами Англіи противъ Франціи были Россія и Австрія, разбитыя Наполеономъ на поляхъ Аустерлица. Въ 1806 и 1807 годахъ Пруссія, потерпѣвшая пораженіе при Іенѣ, и Россія, пораженная при Фридландѣ. Вскорѣ затѣмъ Наполеонъ присоединилъ къ Франціи Римъ, Голландію и сѣверо-западную Германію, занялъ Испанію и Португалію и объединилъ ихъ въ одно государ-

ство подъ властью своего брата Юсифа и побѣдилъ еще разъ Австрію въ 1809 г. Послѣ войны 1806—7 годовъ Россія заключила не только миръ, но и союзъ съ Франціей. Это не помѣшало однако походу Наполеона въ Россію въ 1812 году. Послѣ несчастнаго для него окончанія этого похода вся Европа стала въ 1813 и 1814 году союзницей Англии противъ Франціи, и дѣло кончилось пораженіемъ Наполеона, его низложеніемъ и ссылкой сначала на островъ Эльбу, потомъ, послѣ возвращенія и новаго пораженія въ 1815 году,—на островъ святой Елены.

III.

Такъ, въ общихъ чертахъ, шла и закончилась эта великая борьба, длившаяся, въ общемъ, почти безъ перерыва 15 лѣтъ. Чѣмъ она была вызвана и къ чему привела? Вотъ вопросы, полные глубокаго смысла и серьезнаго значенія и требующіе отчетливаго, вѣрнаго и исчерпывающаго отвѣта. И это тѣмъ болѣе, что, несмотря на новѣйшія изслѣдованія, въ обществѣ и въ печати существуетъ по этому поводу много предразсудковъ и поверхностныхъ, совершенно необоснованныхъ сужденій.

Обыкновенно говорятъ какъ объ основной причинѣ наполеоновскихъ войнъ—о непомѣрномъ честолюбіи и властолюбіи Наполеона, о его стремленіи основать всемірную монархію, утвердить свою власть надъ всѣмъ міромъ. Правда, Наполеонъ любилъ славу и власть; онъ самъ лично говорилъ: „мнѣ нужны честь и слава“. Но онъ не хуже, а лучше другихъ понималъ, что слава и власть подвергаются въ войнѣ величайшей опасности, такъ какъ, по его собственному признанію, побѣда по крайней мѣрѣ наполовину, если не болѣе, зависитъ не отъ искусства вождей, а отъ настроенія армій, диктуемаго реальными потребностями общества и народа, ведущаго войну. Поэтому, если бы не было этихъ реальныхъ потребностей, не было бы и наполеоновскихъ войнъ. Замѣтимъ еще, что, какъ превосходно выяснено выдающимся французскимъ историкомъ Вандалемъ, Наполеонъ очень желалъ мира, въ особенности передъ войной 1812 года, и старался всѣми силами предотвратить эту войну.

Дѣло, значитъ, не въ честолюбіи и властолюбіи. Но, можетъ быть, дѣло въ политическомъ равновѣсіи,—въ томъ, что Франція, расширивъ при Наполеонѣ чрезмѣрно свои владѣнія и подчинивъ себѣ рядъ странъ, стала черезчуръ сильной и опасной для другихъ странъ. Конечно, это фактъ, но вѣдь это—не причина, а послѣдствіе войнъ. Значитъ, причины или причинъ надо искать гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ.

И, вотъ, новѣйшія изслѣдованія, въ особенности трехтомный трудъ упомянутаго мною сейчасъ Вандаля, открыли эти условія и обстоятельства, явившіяся коренной причиной міровой войны сто лѣтъ тому назадъ.

Чтобы понять ихъ, лучше всего обратиться непосредственно къ первоисточникамъ — къ дипломатической перепискѣ Наполеона. Нигдѣ, можетъ быть, его гениальность не проявлялась съ такимъ блескомъ, какъ именно здѣсь: онъ умѣлъ всегда вѣрно понять положеніе, правильно его оцѣнить, ясно намѣтить задачи и выразить ихъ съ неподражаемою точностью и опредѣленностью. Бывало, что онъ прикрывалъ ихъ, когда то было нужно, пышными фразами, пускалъ пыль въ глаза тѣмъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, но это не мѣшало ясности и гениальной простотѣ замысла и твердости въ его осуществленіи.

Мы видѣли, что еще въ 1798 году, завоевывая Египетъ и—добавимъ теперь—покоряя на пути туда островъ Мальту, Наполеонъ ставилъ себѣ ясную цѣль—обезпеченіе французскаго торговаго преобладанія на Средиземномъ морѣ, укрѣпленіе коммерческихъ связей Франціи съ сѣверной Африкой и, въ особенности, захватъ торговаго пути въ Индію. Въ 1800 и 1801 году, ставъ главой французскаго правительства, онъ, предоставляя своему министру Талейрану прикрывать истинныя свои намѣренія пышной фразой о необходимости „всеобщей свободы торговли“, „свободы морей“ отъ британскаго засилья, увѣрялъ въ письмѣ Павлу I-му, что „интересъ всей Европы требуетъ, чтобы Египетъ принадлежалъ Франціи: она пророетъ Суэзскій каналъ, который важенъ и для русской торговли“. „Египетъ“, повторялъ Наполеонъ нѣсколько позднѣе въ разговорѣ съ посланнымъ къ нему Павломъ генераломъ Спренгпортенемъ, «противовѣсь Англии въ рукахъ Франціи; надо, чтобы Англія не пользовалась владычествомъ на Средиземномъ морѣ». По условіямъ Амьенскаго мира 1802 года между Англіей и Франціей англичане должны были очистить Мальту, а французы оставить Египетъ. Но Англія не исполнила условія о Мальтѣ, и Наполеонъ, не скрывая своихъ намѣреній относительно Египта, поставилъ вопросъ ребромъ: «или Мальта, или война», а Талейранъ официально заявилъ русскому послу графу Моркову: „если Мальта будетъ у Англии, Франція перестанетъ быть торговымъ и морскимъ государствомъ, ибо торговлю на Средиземномъ морѣ захватитъ Англія.

Вотъ цѣль, смѣло и прямо поставленная и неуклонно преслѣдовавшаяся Наполеономъ въ первые годы его всевластія во Франціи. Ударить въ самый чувствительный экономическій нервъ Англии—средиземноморскую, восточную и, наконецъ, индійскую ея торговлю и передать здѣсь всѣ преимущества Франціи—вотъ къ чему стремился Наполеонъ—первый консулъ французской республики.

Пораженіе французскаго флота при Трафальгарѣ англійскимъ адмираломъ Нельсономъ въ 1805 году и завоеваніе англичанами французскихъ колоній заставило Наполеона—теперь уже императора французовъ—не то что отказаться отъ этого грандіознаго плана, но поставить его на вторую, позднѣйшую очередь. На первый планъ выдвинута была другая, нѣсколько болѣе скромная сравнительно, но все же очень серьезная и трудная задача—парализовать англійскую торговлю на материкѣ Европы.

Зародыши этой задачи, впоследствии развернушіеся въ такъ называемую «континентальную блокаду» или «континентальную систему», становятся замѣтны съ 1801 года: тогда Франція потребовала у Неаполитанскаго короля закрытія портовъ его королевства для англійскихъ кораблей. Амьенскій миръ на годъ прервалъ развитіе этихъ зародышей въ цѣльную и стройную систему. Но когда въ 1803 году произошелъ разрывъ Англии съ Франціей, ввозъ англійскихъ фабрикатовъ во Францію и формально союзныя съ ней, на дѣлѣ же завистлившія отъ нея государства были запрещены, и потому во время третьей коалиціи противъ Франціи въ 1805 г. континентальная блокада окончательно созрѣла. Она официально была объявлена 21 ноября 1806 года. Неудивительно поэтому, что въ тильзитскомъ договорѣ 1807 года между Россіей и Франціей мы находимъ не только статьи, закрывающія для англійской торговли гавани обѣихъ договаривающихся сторонъ, но и взаимныя обязательства послѣднихъ принудить къ тому же Пруссію, Данію, Швецію, Португалію и Австрію. Съ этою же цѣлью изъ всей западной Германіи Наполеонъ составилъ подъ своимъ покровительствомъ Рейнскій союзъ, вѣлъ въ 1809 г. войну съ Австріей и Испаніей. Изъ за нарушеній континентальной блокады онъ присоединилъ къ Франціи Голландію, Ольденбургъ, Гамбургъ, Бременъ, Любекъ, чтобы строгимъ французскимъ таможеннымъ надзоромъ прекратить контрабандный ввозъ англійскихъ товаровъ и доставку ихъ на судахъ нейтральныхъ державъ, напр. американскихъ. Вся материковая, континентальная Европа на нѣкоторое время дѣйствительно была почти совершенно закрыта для англійской торговли вслѣдствіе континентальной блокады.

Но въ 1811 году Россія проявила очевидные признаки отступленія отъ континентальной блокады: она отказалась обложить колониальные (т. е. англійскіе) товары почти запретительнымъ тарифомъ, т. е. такими высокими пошлинами, которыя дѣлали бы почти невозможнымъ ихъ ввозъ; она отказалась конфисковывать контрабандныя суда; наконецъ, она обложила высокими пошлинами французскіе товары. Наполеонъ хотѣлъ торговаго договора съ Россіей на условіи разрѣшенія ввоза въ Россію французскихъ суконъ, шелковыхъ матерій, драгоцѣнныхъ вещей и предметовъ роскоши при

вывозѣ изъ Россіи во Францію на одинаковую сумму дерева, пеньки, желѣза и золота. Наполеонъ не желалъ войны, готовъ былъ не возстановлять Польши: «я не хочу войны, не хочу Польши», говорилъ онъ, «но я хочу выгоднаго союза; съ тѣхъ поръ какъ стали впускать нейтральныя суда, онъ пересталъ быть выгоднымъ», «капитальный вопросъ—вопросъ о нейтральныхъ судахъ и блокадѣ»; «все дѣло въ торговыхъ интересахъ и въ континентальной системѣ», чтобы «нанести смертельный ударъ Англіи». Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ наиболѣе близкихъ къ нему людей Коленкуронъ Наполеонъ наканунѣ войны двѣнадцатаго года утверждалъ съ полною искренностью, что вовсе не жаждетъ завоеваній, что «всѣ захваты, всѣ войны имѣютъ только одну цѣль—свести къ нулю Англію».

Вотъ яркія мѣста, взятая прямо изъ источниковъ, достовѣрность которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. «Свести къ нулю Англію», «нанести ей смертельный ударъ» въ экономическомъ отношеніи—вотъ цѣль, красной нитью проходящая черезъ всю вышнюю политику Наполеона, вотъ ключъ къ пониманію происхожденія наполеоновскихъ войнъ.

IV.

Но почему же Наполеонъ усвоилъ себѣ эту основную идею, этотъ главный мотивъ своей внѣшней политики? Отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ лишь тогда, когда мы дадимъ себѣ отчетъ о состояніи промышленности въ Англіи и во Франціи конца XVIII и начала XIX вѣка.

Съ половины XVIII вѣка, точнѣе—съ шестидесятыхъ его годовъ, въ Англіи совершился промышленный переворотъ, произошла огромная, чрезвычайно важная перемѣна въ хозяйствѣ. Съ этого времени главное значеніе пріобрѣла на смѣну господствовавшему ранѣе сельскому хозяйству обрабатывающая, фабричная промышленность. Поэтому городское населеніе въ Англіи стало быстро расти насчетъ деревенскаго: уже въ концѣ XVIII вѣка половина населенія страны жила въ городахъ. Въ послѣднія 25 лѣтъ XVIII вѣка производство хлопчатобумажныхъ издѣлій утроилось, а производство желѣза удвоилось. Въ то же время произошелъ огромный, неслыханный и невиданный прежде ростъ торговли внѣшней и внутренней. Въ половинѣ XVIII вѣка Англія вывозила своихъ товаровъ на 145 милліоновъ рублей въ годъ, а иностранныхъ товаровъ ввозила всего только на 15 милліоновъ. 50 лѣтъ спустя—въ началѣ XIX вѣка цѣнность вывоза дошла до 300 милліоновъ руб., а ввозилась товаровъ на 270 милліоновъ, такъ что общій оборотъ англійской внѣшней торговли къ началу наполеоновскихъ войнъ доходилъ

до 570 миллионъ рублей въ годъ, то-есть увеличился за полстолѣтїя въ $3\frac{1}{2}$ раза. Много помогало росту англійской промышленности и торговли развитіе машинной техники производства: въ 1769 году англичанинъ Уаттъ изобрѣлъ паровой котель, и 16 лѣтъ спустя это изобрѣтеніе было въ первый разъ примѣнено въ фабричной промышленности: въ 1785 году Кортрайтъ устроилъ первый паровой ткацкій станокъ. Потомъ Харгривсъ устроилъ паровую прядильную машину.

Ничего подобнаго долго не было во всемъ мірѣ. И потому англійская промышленность, далеко опередившая промышленность всѣхъ другихъ странъ и рано принявшая не крѣпостнической, а буржуазно-капиталистической характеръ, то-есть пользовавшаяся свободнымъ наемнымъ трудомъ, стала господствовать на всѣхъ рынкахъ міра или, какъ обыкновенно говорятъ, сдѣлалась монополисткой въ міровой торговлѣ, совершенно не встрѣчая соперничества или конкуренціи.

Такъ было до начала XIX вѣка. Но великая французская революція 1789 и послѣдующихъ годовъ дала силу и власть молодой французской буржуазіи, побѣдившей крѣпостническую аристократію. Политическій успѣхъ, какъ всегда бываетъ, окрылилъ французскую буржуазію и на новыя экономическія завоеванія. И вотъ въ началѣ XIX вѣка, особенно въ періодъ между 1800 и 1806 годами пышнымъ цвѣтомъ распустилась во Франціи новая фабричная промышленность.

Особенно преуспѣвало хлопчатобумажное производство. Въ началѣ XIX столѣтїя во Франціи совершенно не существовало коленкороваго производства, а въ 1806 году въ одномъ только округѣ Сень-Кантена было 8 тысячъ станковъ, изготовлявшихъ до 300 тысячъ кусковъ коленкора и другихъ бумажныхъ матерій, успѣшно конкурировавшихъ съ англійскими. Французскій фабрикантъ Оберкампфъ довель до громадныхъ размѣровъ производство ситца и ввелъ машинное бумагопряденіе. Машины англійскаго образца введены были также въ суконное и шерстяное производство. Въ Ліонѣ, Нимѣ, Лиллѣ были обширныя шелковыя фабрики, насчитывавшія въ общей сложности до 100 тысячъ рабочихъ. Стали развиваться стеклянные заводы, гончарное дѣло, производство фарфоровыхъ издѣлій. Въ 1812 году считалось 230 доменныхъ печей, производившихъ 99 тысячъ тоннъ чугуна, такъ что производство его за 25 лѣтъ увеличилось почти на 70 процентовъ. Въ 1806 году Франція вывезла за границу своихъ товаровъ уже на 150 миллионъ рублей.

Извѣстно, что «аппетитъ приходитъ съ ѣдой». И ни у кого этотъ аппетитъ не растетъ такъ сильно, какъ у только что начинающей обогащаться буржуазіи. Она страстно жаждетъ послѣ пер-

выхъ же успѣховъ новыхъ богатствъ, широкаго, необъятнаго престо́ра для своей предпринимательской энергіи. А тутъ еще заманчивый примѣръ англійской буржуазіи, бывшей до тѣхъ поръ монополисткой на міровомъ рынкѣ.

Но побѣдить эту монополистку новорожденной французской капиталистической буржуазіи было очень трудно: англійская промышленность ушла далеко впередъ и технически и коммерчески. Выбить ее съ міровыхъ рынковъ одной только экономической конкуренціей было почти невозможно, во всякомъ случаѣ требовало огромныхъ затратъ и денегъ и времени. А денегъ было пока не особенно много, выжидать же время не ждало терпѣнія. Невольно являлась мысль: если нельзя путемъ хозяйственной конкуренціи вынудить англійскую промышленность на отступленіе, нельзя ли силой, военными успѣхами и высокими запретительными пошлинами немедленно отвоевать у нея міровое экономическое господство, сулящее такія великія и богатяя милости?

И вотъ Наполеонъ, какъ вѣрный слуга французской буржуазіи, какъ ея приказчикъ, изобрѣлъ континентальную блокаду и, пообъядая континентальныя государства, заставлялъ ихъ принимать это свое изобрѣтеніе.

Континентальная блокада больно ударила по Англій. Она лишила англійскую промышленность всѣхъ ея европейскихъ рынковъ, на которые сбывалось около половины всѣхъ вывозившихся тогда Англійей товаровъ; это былъ убытокъ въ 150 милліоновъ рублей въ годъ, что, принимая во вниманіе дороговизну денегъ въ то время, равнялось на наши современные деньги по меньшей мѣрѣ полумилліарду.

Но блокада была палкой о двухъ концахъ: однимъ концомъ ударяя по Англій, она била другимъ по самой Франціи. Дѣло въ томъ, что Англій, лишенная европейскихъ рынковъ, стала усиленно захватывать колоніи и, прежде всего, уничтоживъ французскій флотъ, захватила французскія колоніи. А это лишило французскую промышленность сырыхъ матеріаловъ, привозившихся изъ колоній, и колониальнаго рынка для сбыта товаровъ.

Но этого мало: оказалось, что, несмотря на всѣ строгости запрещенія и преслѣдованія, англійскіе товары прорывались и на европейскіе рынки. Во-первыхъ, они были дешевле и часто лучше французскихъ, а во-вторыхъ, — и это главное — Англій вывозила изъ остальныхъ странъ европейскаго континента хлѣбъ, пеньку, лѣсъ и другіе сырые товары, въ которыхъ Франція нуждалась гораздо меньше, такъ какъ сельское хозяйство въ ней играло болѣе видную роль, чѣмъ въ Англій. Поэтому, когда, подъ вліяніемъ континентальной блокады, не только поднялись цѣны на фабричныя издѣлія, но и совершенно прекратился вывозъ въ Англій, земле-

владѣльческое дворянство отсталыхъ европейскихъ странъ, для котораго была выгодна эта вывозная торговля и которое было тогда въ нихъ господствующимъ классомъ, стало выражать недовольство союзомъ съ Франціей и разрывомъ съ Англійей. И началось крушеніе континентальной блокады.

Тогда во Франціи начался кризисъ: фабрики, не имѣя ни достаточнаго количества сырыхъ матеріаловъ, ни рынковъ для сбыта фабричныхъ издѣлій, стали закрываться. Произошла масса банкротствъ, появилась массовая безработица. Оставалось одно: разрубить запутанный безнадежно узелъ, попытать съ оружіемъ въ рукахъ военное счастье, столь часто улыбавшееся императору французовъ. Кто знаетъ? Нельзя ли еще разъ заставить непокорную Европу сохранить континентальную блокаду?

Эта новая и послѣдняя попытка не оправдала надеждъ и кончилась крушеніемъ 1812-го и послѣдующихъ годовъ.

Теперь ясны основныя причины міровой войны сто лѣтъ тому назадъ. Эта война проистекла изъ столкновенія двухъ капитализмовъ—англійскаго и французскаго,—оспаривавшихъ другъ у друга міровое экономическое господство. Что касается другихъ странъ, кромѣ Англии и Франціи, принимавшихъ участіе въ наполеоновскихъ войнахъ, то, временно вынужденныя подчиниться силѣ французскаго оружія, онѣ все-таки, главнымъ образомъ, тянули въ страну болѣе сильной капиталистически Англии, издѣлія которой были лучше и дешевле, и которая кромѣ того была выгоднымъ и обширнымъ рынкомъ сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства, наиболѣе важнаго въ этихъ отсталыхъ странахъ.

Таковъ конечный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи наполеоновскихъ войнъ,—отвѣтъ, обоснованный документально столь прочно, что въ этомъ отношеніи нельзя пожелать ничего большаго. Нарушеніе политическаго равновѣсія, личное честолюбіе и властолюбіе Наполеона и властителей другихъ странъ и все подобное—не болѣе какъ второстепенныя подробности, дополняющія картину, но сами оказывающіяся явленіями производными отъ главныхъ, основныхъ причинъ, послѣдствіями этихъ причинъ. Можно было бы перечислить еще много подобныхъ же второстепенныхъ подробностей—указать, напримѣръ, на то, что противники обращали вниманіе на внутреннее положеніе разныхъ странъ—на положеніе крестьянскаго вопроса въ Россіи, напримѣръ,—и на военную подготовку того или другого государства, чтобы выбрать удобный моментъ для начала военныхъ дѣйствій. Но все это—не устраняетъ и даже не ослабляетъ значенія основной причины—экономическаго соперничества двухъ передовыхъ странъ европейскаго Запада и хозяйственнаго тяготѣнія отсталыхъ странъ европейскаго континента къ болѣе сильной и богатой изъ нихъ—Англии.

V.

Уже эта картина происхожденія наполеоновскихъ войнъ даетъ намъ весьма важный въ научномъ и практическомъ, житейскомъ отношеніяхъ «урокъ исторіи». Происхожденіе міровой войны сто лѣтъ тому назадъ помогаетъ намъ правильно понять и происхожденіе современной міровой войны.

Конечно, за сто лѣтъ многое, очень многое измѣнилось до неузнаваемости. Странъ съ полнымъ господствомъ крѣпостнической аристократіи и неограниченнаго самовластія не осталось или почти не осталось. Капитализмъ, буржуазія, наемный трудъ нашли себѣ повсемѣстное распространеніе. Промышленность и торговля достигли небывало-широкаго размаха. Не только промышленная, но и военная техника выросли до чрезвычайности. Арміи въ нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ смѣнились миллионными.

Но при всѣхъ этихъ различіяхъ сколько сходства! И не только въ общемъ и главномъ, о чемъ мы еще поведемъ сейчасъ рѣчь, а и во многихъ подробностяхъ. Вопросъ о политическомъ равновѣсіи въ Европѣ и теперь, какъ и столѣтіе тому назадъ, играетъ извѣстную роль, которую однако не слѣдуетъ преувеличивать. Личное честолюбіе и властолюбіе имѣются у Вильгельма II и его наслѣдника, какъ въ началѣ XIX в. они были свойственны Наполеону. Какъ послѣдній внимательно слѣдилъ за положеніемъ крестьянъ въ Россіи и рассчитывалъ на ихъ возможные волненія, такъ и теперь въ Германіи и Австріи учитывались лѣтнія петербургскія рабочія забастовки и волненія въ ирландской провинціи Ольстеръ, вызванныя проведеніемъ въ англійскомъ парламентѣ закона о самоуправленіи Ирландіи. Наконецъ, въ Германіи, рѣшаясь окончательно воевать, оцѣнивали тотъ фактъ, что военныя приготовления Россіи и Франціи еще не закончены, и что въ 1916 или 1917 году, когда они будутъ завершены,—поздно будетъ думать о побѣдѣ; а сто лѣтъ тому назадъ тѣ же соображенія часто руководили въ послѣднюю минуту и Наполеономъ, когда онъ окончательно рѣшалъ воевать: такъ было въ войнѣ съ Австріей 1809 года и съ Россіей въ 1812 году.

Но главное, конечно, въ сходствѣ основныхъ причинъ, главное въ томъ, что, какъ сто лѣтъ тому назадъ Франція осмѣлилась оспорить у Англій міровое экономическое преобладаніе, такъ теперь то-же дерзнула сдѣлать въ отношеніи къ той же Англій Германія. И опять оказалось, что болѣе отсталыя экономически страны тяготеютъ не къ противницѣ Англій, не къ Германіи, потому что болѣе всего страдаютъ отъ конкуренціи именно германской. Ха-

рактрно при этомъ и то, что и Германія теперь, какъ Франція сто лѣтъ назадъ, вождѣбеть о колониальномъ могуществѣ, и въ Германіи сейчасъ, какъ во Франціи при Наполеонѣ, обнаруживается страшный экономическій кризисъ, не только имѣющій обычный во всякомъ капиталистическомъ обществѣ характеръ, но и указывающій на тотъ чисто-экономическій отпоръ, который оказываетъ германской промышленности англійская и американская промышленность. А развѣ то покровительство германской промышленности, котораго, пользуясь японской войной и революціей, добилась Германія въ торговомъ договорѣ съ Россіей 1904 года, не напоминаетъ очень живо покровительства французской промышленности, обезпеченнаго континентальной системой Наполеона?

VI.

Итакъ, по скольку рѣчь идетъ о происхожденіи міровой войны, свѣтъ, бросаемый прошлымъ на настоящее,—чрезвычайно яркъ и важень. Но если прошлая міровая война имѣеть такое первостепенное значеніе для пониманія происхожденія современной міровой войны, то во сколько же разъ важнѣе была бы для насъ попытка освѣтить при помощи *прошлага* возможные послѣдствія міровой войны, нами переживаемой! Вѣдь хоть отчасти предугадать эти послѣдствія значить заранѣе хоть отчасти приготовить къ рѣшенію цѣлага ряда вопросовъ, которые въ недалекомъ уже будущемъ станутъ на ближайшую очередь.

Дадимъ себѣ, прежде всего, отчетъ въ послѣдствіяхъ міровой войны, происходившей сто лѣтъ тому назадъ, чтобы потомъ, принявъ во вниманіе всѣ главныя обстоятельства, отличающія наше время отъ начала XIX вѣка, сдѣлать заключенія и о возможныхъ послѣдствіяхъ современной міровой войны.

Первое непосредственное послѣдствіе наполеоновскихъ войнъ—это побѣда Англій и ея союзниковъ и пораженіе Франціи. И то и другое имѣло прежде всего многообразныя послѣдствія въ хозяйственномъ отношеніи.

Англія сохранила свое міровое экономическое господство. Мало того: она расширила это господство приобрѣтеніемъ новыхъ богатѣйшихъ колониальныхъ владѣній. Англія совершенно вытѣснила Францію изъ Индіи и захватила большую часть этой страны. Затѣмъ она приобрѣла островъ Цейлонъ, островъ Тринидадъ, часть Гвіаны, Мальту, рядъ Антильскихъ острововъ, наконецъ въ Африкѣ Капскую землю, которую прежде владѣла Голландія. На много десятилѣтій міровая торгово-промышленная монополія Англій и ея владычество на моряхъ были обезпечены.

Напротивъ, французскому торгово-промышленному капитализму крылья были подрѣзаны. Не то, чтобы онъ пересталъ развиваться,— конечно, и онъ сохранилъ свое мѣсто подъ солнцемъ,—но, такъ какъ притязаніямъ его на міровое экономическое господство былъ положенъ предѣлъ, то развитіе французскаго капитализма приняло значительно-замедленный ходъ и лишено было такого широкаго размаха, какой пріобрѣло развитіе капитализма англійскаго.

Наконецъ, для такихъ отсталыхъ странъ европейскаго континента, какими были Россія, Пруссія, Австрія и другія, наполеоновскія войны были источникомъ сильнѣйшаго экономическаго потрясенія, подорвавшаго старое крѣпостническое хозяйство, и безъ того колебавшееся уже въ своихъ основаніяхъ. Міровая война здѣсь, какъ и вездѣ, ускорила тотъ процессъ разрушенія устарѣвшихъ хозяйственныхъ отношеній, который начался еще раньше и все равно даже безъ войны совершился бы, только гораздо медленнѣе.

Перемены въ народномъ хозяйствѣ всегда неизбѣжно влекутъ за собою и социальныя и политическія послѣдствія, т. е. перемены въ устройствѣ общества и въ государственномъ строѣ.

И опять-таки съ наибольшою силой и яркостью и скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, эти социальныя и политическія послѣдствія новыхъ хозяйственныхъ отношеній проявились въ Англій. Говоря вообще, они заключаются въ паденіи сословности и смѣнѣ ея классовымъ строемъ и въ демократизаціи государственности. Необходимо хотя бы вкратцѣ объяснить, въ чемъ тутъ дѣло.

Старая Англія знала рѣзкое различіе между отдѣльными частями или группами общества въ правахъ. Были группы почти совершенно безправныя по закону и группы, обладающія огромными особыми правами и преимуществами или привилегіями. Особенно велики были привилегіи дворянства. До тридцатыхъ годовъ XIX вѣка въ рукахъ англійскихъ дворянъ-землевладѣльцевъ было почти все мѣстное управленіе и судъ, дворяне же землевладѣльцы назначали и большую часть членовъ палаты общинъ. Въ 30-хъ годахъ и позднѣе, подъ вліяніемъ роста промышленнаго капитализма, привилегіи дворянъ исчезаютъ, такъ какъ главную роль начинаетъ играть уже не дворянское землевладѣніе и сельское хозяйство, а буржуазная фабричная промышленность и торговля: мѣстное управленіе переходитъ въ руки выборныхъ отъ всего населенія, выборы въ палату общинъ становятся свободными. Теперь уже не различіе въ правахъ, а различіе въ хозяйственномъ положеніи, въ той роли, какую играютъ отдѣльныя группы общества въ народномъ хозяйствѣ, пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе. Не на сословія, а на классы начинаетъ дѣлиться общество: классы—напр. рабочіе, фабриканты, землевладѣльцы—различаются между собою въ хозяйствен-

номъ отношеніи, передъ закономъ же, по правамъ своимъ они равны. И потому государственность приобрѣтаетъ все болѣе демократическій характеръ: власть сосредоточивается въ рукахъ выборныхъ отъ всего народа.

Такъ было въ Англіи—побѣдительницѣ въ міровой войнѣ. Но такъ же, въ концѣ-концовъ, произошло и въ побѣжденной Франціи, только съ болѣшими задержками и затрудненіями. Для этого тамъ понадобился рядъ послѣдовательныхъ потрясеній—июльская революція 1830 года, февральская революція 1848 г., разгромъ Франціи Германіей въ 1870 и 1871 годахъ.

Еще болѣе задержекъ, затрудненій и замедленій во всѣхъ этихъ отношеніяхъ наблюдалось въ отсталыхъ странахъ европейскаго континента. Въ нихъ началась жестокая реакція, вдохновляемая австрійскимъ канцлеромъ Меттернихомъ. Но и тамъ тѣ же стремленія, тѣ же перемѣны властно прорывались сквозь кору старыхъ преданій и обветшавшихъ предрассудковъ: въ Пруссіи уже вскорѣ послѣ пораженія были освобождены крестьяне, въ Россіи въ лицѣ декабристовъ появились первые провозвѣстники грядущаго освобожденія. И здѣсь огромный толчекъ дали именно наполеоновскія войны: онѣ и связанное съ ними знакомство съ передовымъ Западомъ заставили критически взглянуть на свои, домашніе порядки.

VII.

Какой свѣтъ всѣ эти воспоминанія о прошломъ бросаютъ на возможныя послѣдствія переживаемой нами міровой войны?

Конечно, и теперь, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, Англія и ея союзницы выйдутъ побѣдителями изъ борьбы, а Германія и Австрія будутъ побѣждены. Англія укрѣпитъ свое міровое экономическое преобладаніе и обогатится рядомъ новыхъ колоній, отобранныхъ у Германіи. Мало того: она захватитъ, даже уже теперь захватываетъ многіе европейскіе и внѣевропейскіе рынки, снабжавшіеся прежде въ большей части германскими товарами.

Германія, какъ въ свое время Франція, будетъ лишена возможности притязать на міровое экономическое господство. Ея капитализмъ съузигъ свой размахъ, развитіе его замедлится, хотя, конечно, не прекратится и останется все же грандіознымъ. Тѣмъ болѣе это надо сказать объ Австро-Венгріи или государствахъ, которыя изъ нея могутъ выдѣлиться, если монархія Габсбурговъ не сохранится какъ цѣлое.

Союзницы Англіи—въ особенности Россія—получатъ новый толчокъ къ развитію своего капитализма. Здѣсь возможны въ будущемъ даже новыя притязанія на міровое экономическое преобладаніе.

Таковы вѣроятныя экономическія послѣдствія. Въ области государственныхъ отношеній во всѣхъ странахъ несомнѣнень уклонъ въ сторону демократизаціи.

Но и побѣжденные страны—Германія и Австро-Венгрія—не могутъ не подчиниться этой исторической необходимости. Только здѣсь, всего вѣроятнѣе, можно ожидать великихъ внутреннихъ бурь и потрясеній, какъ то было и въ побѣжденной сто лѣтъ тому назадъ Франціи.

Всякая война—страшное бѣдствіе. Тѣмъ большее бѣдствіе война міровая. Стремиться предупредить войну, даже отсрочить ее по возможности — обязанность всякаго, кому дороги интересы широкихъ народныхъ массъ. Но разъ война—фактъ, необходимо уяснить себѣ все ея значеніе и опредѣлить причины и слѣдствія. Необходимо отнестись къ ней сознательно.

Война — огромное потрясеніе, цѣлый переворотъ, объективное дѣйствіе войны даетъ послѣдній толчекъ назрѣвшимъ и созрѣвшимъ силамъ общественнаго развитія, ускоряетъ процессы, и безъ того совершавшіеся въ обществѣ. Извѣстно, что еще до войны въ Россіи повѣялъ свѣжій, бодрящій весенній вѣтеръ. Совершенно ясно что и послѣ войны эти весенніе признаки не исчезнутъ, а, напротивъ, развернутся въ жаркое лѣто широкой общественной самодѣятельности.

Это тѣмъ болѣе ясно, что можетъ быть подкрѣплено еще одной важной исторической параллелью. Мы имѣемъ въ виду параллель текущей войны съ франко-германской войной 1870 — 71 годовъ. Дѣло не въ ходѣ этой войны, а въ ея социально-политической обстановкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ: Франція Наполеона III играла въ то время роль европейской реакціонной силы, «европейскаго жандарма». Правящіе классы Германіи, тоже въ значительной мѣрѣ консервативные, но пробудившіеся уже къ жизни и начавшіе социально перерождаться въ культурную буржуазію силою вещей, повелительно диктовавшей необходимость объединенія Германіи для развитія капитализма, вынуждены были напасть на Наполеона III, врага германскаго единства. Въ результатѣ — франко-германская война открыла для германскаго народа пути къ общественной самодѣятельности.

Но и то и другое встрѣчало въ современной Германіи препоны со стороны силъ прошлаго — юнкерства. И силою вещей, правящая Германія оказалась поэтому такой же европейски-реакціонной силой, какой сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ была имперія Наполеона III. Не ясно-ли, что пораженіе правящей Германіи, въ которомъ Россіи уготована очень важная роль, сулитъ нашему отечеству перспективы широкаго хозяйственнаго, социальнаго и госу-

дарственнаго развитія, подобныя тѣмъ, какія открылись передъ нами въ 1870—71 году Германіей?

И вотъ, когда мы видимъ, что сознательное отношеніе къ войнѣ и сравнительно-историческое ея изученіе способны только укрѣпить наши лучшія надежды, мы въ правѣ сдѣлать выводъ, что и въ области мирныхъ, гражданскихъ интересовъ — «на поприщѣ труда нельзя намъ отступать».

Н. Рожковъ.

Война и германская социаль- демократія.

Послѣ Базельскаго международнаго социалистическаго конгресса могло казаться, что, если опасность мировой войны окончательно и не предотвращена, то во всякомъ случаѣ социалистическимъ партіямъ отдѣльныхъ странъ даны достаточно ясныя директивы въ смыслѣ борьбы съ этимъ зломъ и намѣчены хотя бы общія линіи ихъ тактики въ этой области. Неожиданно вспыхнувшая война застала социалистовъ совершенно неподготовленными. За ничтожными исключениями, о которыхъ здѣсь можно не упоминать, ни одна почти социалистическая партія не оказалась на высотѣ задачи, не сумѣла справиться съ неожиданно вставшими передъ нею трудностями и не сумѣла взять правильного тона въ тяжелую историческую минуту. Рабочимъ партіямъ не удалось сдѣлаться активными факторами въ разыгравшейся исторической драмѣ; напротивъ, онѣ были увлечены нахлынувшимъ потокомъ и принуждены были ограничиться пассивной ролью. Да и той онѣ не сумѣли выполнить надлежащимъ образомъ.

Социалистическій Интернаціональ, видимо, преувеличивалъ свое сѣлу. Можетъ быть, ему придется еще сказать свое слово при ликвидаціи нынѣшней кровавой трагедіи; но онъ оказался не въ состояніи предотвратить ее. Очередной международный съѣздъ, назначенный въ Вѣнѣ, не могъ состояться въ виду той роли, которую начала играть Австрія въ надвигающемся конфликтѣ. Онъ былъ перенесенъ тогда въ Парижъ, но и здѣсь ему собраться не пришлось, такъ какъ вскорѣ и Франція была втянута въ назрѣвающее столкновеніе. Онъ не могъ состояться и въ Швейцаріи, потому что въ разразившуюся войну оказались втянуты всѣ главныя европейскія государства и нѣсколько второстепенныхъ. Пролетаріатъ пошелъ не на засѣданія своего международнаго конгресса, а двинулся на поля сраженій. И какъ бы для того, чтобы подчеркнуть иронию исторіи, ко дню, назначенному для открытія международнаго схода рабо-

Политическія замѣтки.

Старое и новое.

Война разгорается. Съ сѣвера пламя перекинулось на югъ. По примѣру Германіи, Турція напала на Россію, и стальная щетина русскихъ штыковъ засверкала уже на Черноморскомъ побережьѣ и горныхъ переходахъ турецкой Арменіи. Увеличивается число нашихъ враговъ, но, въ горнилѣ великихъ испытаній, увеличивается и политическое достоинство и боевая энергія страны.

Если вначалѣ нынѣшняя война могла еще иногда казаться внезапною грозой, мимолетнымъ вихремъ неожиданной бури, то теперь она выросла въ длительную и суровую борьбу за независимость и неприкосновенность національной территоріи, въ великій общенародный подвигъ. Она вошла въ жизнь, въ повседневную обывательскую жизнь, захватила и окрасила кровью всѣ мысли, всѣ чувства, всѣ даже мелкія житейскія дѣла.

Политика, наука, литература, театръ, промышленность, самая жизнь человѣческая, — все потеряло самодовлѣющую цѣнность, все превратилось въ сознательное или бессознательное служеніе цѣлямъ національной самозащиты.

Исторія послѣ отечественной войны 1812 года не ставила Россію въ такое положеніе. Поэтому, быть можетъ, многія явленія современной народной психологіи не укладываются въ рамки обычныхъ ходячихъ понятій и подвергаются даже неправильному толкованію. Любовь къ родинѣ, подвергшейся нападенію могущественныхъ враговъ, теплая заботливость о тѣхъ милліонахъ крестьянъ, рабочихъ и горожанъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ пошли, въ рядахъ русской арміи, на страданія и смерть за родную землю, всѣ эти, въ лучшемъ смыслѣ, патріотическія чувства, поскольку они ярко обнаруживаются среди лѣвыхъ демократическихъ группъ, иногда вызываютъ или заподозрѣваніе или непониманіе.

О заподозрѣваніяхъ говорить не стоитъ. Ими занимается, кажется, только «Русское Знамя», германофильство котораго, дѣйствительно, способно было бы вызвать самую недвусмысленную подозрѣнія, если бы мы не были убѣждены въ тѣсномъ

принципіальномъ родствѣ русской и нѣмецкой реакціи. Но непониманіе встрѣчается и среди представителей болѣе культурной политической мысли. Чрезвычайно характерная въ этомъ отношеніи статья появилась на страницахъ центрального органа союза 17 октября.

«Война,—писалъ «Голось Москвы»,—показала, что между міровоззрѣніемъ отдѣльныхъ партійныхъ лидеровъ и народной массой лежитъ глубокая пропасть взаимнаго непониманія. Чувства патріотизма и націонализма, въ лучшемъ смыслѣ этихъ понятій, оказались сильнѣе всякихъ политическихъ программъ, сочиненныхъ въ кабинетахъ и на партійныхъ конференціяхъ. Война показала также, что въ широкихъ народныхъ кругахъ никогда не можетъ вкорениться антигосударственная идея, что никогда эта послѣдняя не можетъ восторжествовать подъ здоровой идеей правильно понимаемой государственности. Не знаемъ, какъ чувствуютъ себя сейчасъ вожди нашихъ крайнихъ лѣвыхъ и вообще оппозиціонныхъ партій, но ясно, что узкая партійность совершенно неожиданно потерпѣла полное крушеніе въ моментъ наиболѣе серьезный и отвѣтственный. «Вожди» сами оказались вынужденными безъ боя сдать свои позиціи, и надо признать, что послѣ войны не легко будетъ занять ихъ вновь...»

Октябристская газета касается чрезвычайно важныхъ и серьезныхъ вопросовъ нашей общественности. Къ сожалѣнію, она не соблюдаетъ той добросовѣстности, которая, казалось бы, является необходимой при обсужденіи этихъ важныхъ и серьезныхъ вопросовъ. Приписываніе «крайнимъ лѣвымъ и вообще оппозиціоннымъ партіямъ» Россіи «антигосударственной идеи» является только весьма недоброкачественнымъ полемическимъ приемомъ. Простая политическая грамотность съ полною ясностью показываетъ, что «антигосударственная идея» составляетъ принадлежность анархическихъ ученій, которыя совершенно чужды не только оппозиціоннымъ, но даже и социалистическимъ партіямъ. Между тѣмъ, «Голось Москвы» едва ли станетъ утверждать, чтобы въ Россіи анархизмъ представлялъ сколько-нибудь замѣтное явленіе въ широкихъ народныхъ кругахъ. Этого нѣтъ и, надѣмся, не будетъ.

Слѣдовательно, не нужно было ожидать міровой войны, чтобы торжествовать побѣду «здоровой идеи правильно понимаемой государственности» надъ анархическими теоріями. Такая побѣда давно одержана безъ всякаго участія октябристовъ усиліями передовой общественной мысли. Вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ вопросъ о значеніи государства, какъ формы современнаго гражданскаго общежитія, рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Дѣятельность «крайнихъ лѣвыхъ и вообще оппозиціонныхъ партій» руководится именно «здоровой идеей правильно понимаемой государственности», а не идеалами анархизма. Но, разумѣется, далеко не

всѣ и, пожалуй, только очень немногіе согласны съ тѣмъ, что союзъ 17 октября обладаетъ монополією правильнаго пониманія государственности. Каждая политическая группа считаетъ правильнымъ то пониманіе, которое соотвѣтствуетъ ея принципиальной позиціи, выработанной долгимъ и труднымъ процессомъ развитія общественной мысли.

«Голось Москвы» съ легкимъ сердцемъ бросаетъ своимъ противникамъ категорическое рѣшеніе: «вы оказались вынужденными безъ боя сдать свои позиціи». Это очень напоминаетъ австрійскія реляціи о блестящихъ побѣдахъ. Гдѣ и когда произошла безславная сдача, возвѣщенная октябристскою газетою? Даже «Русское Знамя», усиленно занимаясь розыскомъ «фальсификаторовъ патриотизма» и глубоко возмущаясь тѣмъ, что «теперь любая жидовская газета стала чуть ли не патриотичнѣе газетъ союза русскаго народа», сохранило болѣе трезвый взглядъ на партійныя отношенія. «Общій интересъ,—пишетъ «Русское Знамя»,—въ данный моментъ, когда врагъ угрожаетъ разрушеніемъ всѣмъ безъ различія, правые они или лѣвые, заставляетъ смолкнуть рознь и объединяетъ всѣ партіи на общемъ полѣ дѣятельности, но, какъ только снова возникнетъ обыденная работа, снова возникнутъ и партіи—это совершенно неизбѣжно». Въ условіяхъ военной обороны страны самостоятельная партійная жизнь ослабѣваетъ, партійныя особенности сглаживаются, но только потому, что въ такіе моменты вообще уменьшается напряженность политической борьбы, и страна пріобрѣтаетъ характеръ военнаго лагеря, гдѣ главное вниманіе сосредоточивается на боевыхъ задачахъ. Однако, отсюда совсѣмъ не слѣдуетъ, что политическія партіи сдали безъ боя свои принципиальныя позиціи. Вѣроятно, «Голось Москвы» знаетъ объ этомъ, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько «Русское Знамя». Общественная мысль и общественная дѣятельность въ современномъ государствѣ всегда проявляются въ партійныхъ организаціяхъ, преслѣдующихъ строго опредѣленныя и для даннаго историческаго періода неизмѣнныя общія цѣли.

Объ измѣненіи этихъ цѣлей въ печати не появлялось никакихъ свѣдѣній. Но «Голось Москвы» заботится только о томъ, чтобы нанести вчерашнему внутреннему врагу послѣдній идейный ударъ.

Вы желаете побѣды, вы болѣете сердцемъ за тѣхъ, кто недѣлями лежитъ въ холодныхъ окопахъ, кто падаетъ мертвымъ на полѣ брани и страдаетъ отъ ранъ въ госпиталяхъ, вы стремитесь къ тому, чтобы національное одушевленіе не сдѣлалось источникомъ застоя, а, наоборотъ, оживило и оздоровило нашу политическую жизнь,—слѣдовательно, вы безъ боя сдали свои политическія позиціи; слѣдовательно, до сихъ поръ между вами и народною массой «лежала глубокая пропасть взаимнаго непониманія», кото-

рая только теперь заполнена «націонализмомъ и патриотизмомъ въ лучшемъ смыслѣ этихъ понятій». Такимъ образомъ, подъемъ національнаго чувства изображается, какъ измѣна историческимъ традиціяхъ русской интеллигенціи, которая, будго бы, никогда не знала національнаго чувства даже въ его лучшихъ и благородныхъ проявленіяхъ.

Къ сожалѣнію, неправильное толкованіе и традицій и дѣйствительности находятъ нѣкоторую опору въ настроеніяхъ извѣстной части общества.

Въ то время, какъ здоровый патриотизмъ народныхъ массъ принимаетъ войну, какъ суровое испытаніе на пути осуществленія историческихъ національныхъ задачъ, нѣкоторые представители либеральной мысли видятъ въ самой войнѣ готовое рѣшеніе, посланное судьбою. Г. Философовъ, напримѣръ, утверждаетъ, что сейчасъ рождается какая-то особая «мудрость» общественной мысли. Г. Александровъ называетъ войну «очищеніемъ отъ скверны» и утверждаетъ, что въ настоящее время «чудеса превращаются въ реальности, а вчерашнія реальности начинаютъ уже теперь казаться кошмарнымъ сномъ». По его мнѣнію, «духовный сдвигъ, который чувствуется сейчасъ даже въ мелочахъ нашей жизни, и для достиженія котораго потребовалась бы, можетъ быть, жизнь цѣлаго поколѣнія—совершился въ какихъ-нибудь три мѣсяца, и чувствуется, что потокъ новыхъ чувствъ и новыхъ настроеній все ширится и углубляется, и его творческая работа проявляется уже теперь во все болѣе и болѣе осязательныхъ формахъ».

Въ дѣйствительности, народъ поднялся въ защиту національной независимости во имя стараго, всегда ему присущаго чувства любви къ родинѣ, и война, сама по себѣ, вовсе не перерождала народной психологіи и не совершала никакого духовнаго сдвига. Эта истерическая погоня за новыми сдвигами, это превращеніе войны въ мистическій процессъ внутренняго возрожденія и навязываніе ей разрѣшенія задачъ, которыя рѣшаются совершенно инымъ способомъ, чрезвычайно характерно для либеральной интеллигенціи.

Въ послѣдніе годы, когда русская интеллигентская душа вывѣтрилась и вытерлась до самаго безсодержательнаго унынія, появилось много мучениковъ безыдейности, вяло ожидавшихъ, чтобы ихъ увлекла какая-нибудь яркая и опредѣленная задача. Война дала простой и ясный смыслъ существованію такихъ людей, психологію которыхъ ярко охарактеризовалъ еще Глѣбъ Успенскій. Герой его очерка «Не воскресъ», Долбежниковъ, отправившійся добровольцемъ въ Сербію, такъ объясняетъ свое состояніе: «что-жъ думаю, — «вывози, братъ, и меня»... И вотъ, ввалившись въ мужичьи дровни, я сразу почти совершенно успокоился... Все, что

меня мучило, все, о чемъ я думалъ, читалъ, разговаривалъ, все, что меня бѣсило, злило, волновало въ себѣ и другихъ, я, разрѣшивъ, что «теперь не мое дѣло»,—все это позабылъ, точно ни разговоровъ, ни плановъ, ни безпокойствъ, ни мыслей безпокойныхъ и не бывало... обо всемъ этомъ я пересталъ думать, положившись на кого-то, кто теперь занялся моими дѣлами, и съ каждымъ днемъ сталъ чувствовать себя лучше и лучше... Тѣмъ и хороша война, что, разъ произнесено это слово, миллионы людей прекращаютъ думать, безпокоиться, прекращаютъ трудныя попытки рѣшать роковые вопросы, къ которымъ привела мирная жизнь».

Такое успокоеніе мысли и совѣсти въ слѣпомъ подчиненіи стихійности, такое освобожденіе себя отъ роковыхъ вопросовъ мирной жизни, несомнѣнно, очень приближается къ «сдачѣ позицій», но оно и не такъ распространено и, во всякомъ случаѣ, носить болѣе психологическій, чѣмъ политическій характеръ. Въ большинствѣ случаевъ на лѣвомъ флангѣ русской общественности преобладаетъ сознательное отношеніе къ мировой войнѣ и къ участию въ ней нашей родины. Для этого вовсе не нужно было измѣнять традиціямъ и вызывать въ себѣ новыя чувства и новыя настроенія. Для этого достаточно было внимательно обдумать политическое положеніе и опредѣлить свое поведеніе въ зависимости отъ объективныхъ историческихъ условій и собственнаго міросозерцанія. Сдавать свои позиціи, при этомъ, совсѣмъ не приходилось. Опытъ Франціи и Бельгіи показалъ, что даже при несравненно болѣе отвѣтственномъ положеніи, чѣмъ въ Россіи, можно сохранить свое политическое лицо. Не сдавая своихъ позицій, пошли въ министерства національной обороны Вандервельдъ и Гэдъ. Они сдѣлали то, о чемъ говорилъ покойный Бебель на эссенскомъ партейтагѣ въ 1907 г. «когда мы дѣйствительно вынуждены будемъ защищать отечество, то мы будемъ защищать его потому, что оно—наше отечество, что оно—земля, на которой мы живемъ»... Въ Россіи иныя условія, чѣмъ въ Бельгіи и Франціи, и политическая тактика неизбѣжно принимаетъ иныя формы, но принципиальное отношеніе къ оборонительной войнѣ и въ Россіи остается тѣмъ же, что и въ передовыхъ европейскихъ демократіяхъ. Сознвая свой долгъ предъ родиной, мы не можемъ, подобно герою Глѣба Успенскаго, отказываться отъ самихъ себя, подъ предлогомъ, что «теперь не наше дѣло». Наоборотъ, именно теперь нужно думать, волноваться и готовиться къ труднымъ попыткамъ разрѣшать не только тѣ роковые вопросы, къ которымъ привела мирная жизнь, но и тѣ, которые въ такой сложности и обиліи поставила на очередь великая мировая война.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Соціальный романъ (Кн. Гамсунъ. „Дѣти вѣка“). Д. Тальникова.—Алтайскій альманахъ.—Аргонавты. (Сборники).—„Спохохи“. (Кн. 9-я).—Д. Абельдяевъ. Лили. — А. Ахматова. Четки. — Р. Бравскій. Полюнь.—И. Н. Розановъ. Русская лирика. Н. Евренковъ. Pro sepe sua.—Архивъ. В. А. Гельцева. — М. Гершензонъ. Декабристы Кравцовъ и его братья. — П. Кованько. Реформа 19-го февраля.—Ф. Руффини. Религиозная свобода.—Ш. Диль. Византійскіе портреты. — А. Мора. Цари и боги Египта. — К. П. Ягодовскій. Въ странѣ полуденнаго солнца.—Пятидесятилѣтіе Воронежской Публичной Библиотекы.

Соціальный романъ.

(Кн. Гамсунъ. Дѣти вѣка. К-во „Польза“ Антикъ и К^о. Переводъ М. Розенфельдъ и Я. Сэгалъ. Москва, 1914 г.).

I.

Послѣдній романъ Кн. Гамсуна „Дѣти вѣка“, можетъ быть названъ въ полномъ смыслѣ слова социальнымъ романомъ. Это—исторія одного дворянскаго рода, взятаго въ моментъ перехода общества къ крупно-капиталистическому хозяйству. Социальнымъ фономъ романа является картина этого перехода, постепеннаго вовлеченія глухого и тихаго норвежскаго мѣстечка, оторваннаго отъ міровой жизни, въ шумный міръ промышленныхъ центровъ, превращеніе деревни въ городъ, въ торговую единицу.

Превращеніе усадьбы лейтенанта Гольмсеиа „Сегельфосса“ въ капиталистическій центръ отражаетъ въ себѣ тотъ могучій процессъ, который характеризуетъ нашу вѣкъ. Норвегія до недавняго времени жила отсталой патриархальной и мелко-буржуазной жизнью оставшихся вдаль отъ міровыхъ движеній странъ. Подумать только, что въ началѣ XIX вѣка столица ея Христианія была еще маленькимъ городкомъ, насчитываю-

щимъ всего около 6.000 жителей. Городъ, правда, быстро выросъ, но укладъ жизни еще надолго сохранялся прежній, семейный. Ибсенъ есть выраженіе старой жизни на переходѣ ея къ новой, рожденія новыхъ идей: въ его бытовыхъ пьесахъ наша себѣ выраженіе психологія мелкой норвежской буржуазіи, всѣхъ этихъ консуловъ Берниковъ, ставшихъ хозяевами жизни, — и одновременно, какъ реакція противъ духа мелкаго мѣщанства, у Ибсена же отмѣчается появленіе въ этой средѣ борцовъ и протестантовъ, — дѣтей мѣщанства, падающихъ первой жертвой его (Гелда Габлеръ, Штокманъ).

Процессъ капитализаціи страны пошелъ вглубь, вовлекая все болѣе и болѣе отдаленные углы въ колесо развитія; одновременно съ развитіемъ крупнаго капитала шла послѣдняя волна развала старой феодальной культуры, появленіе у власти новаго общественнаго класса. Этотъ моментъ и фиксируетъ въ своемъ новомъ романѣ Гамсунъ. Борьба двухъ вѣковъ отразилась здѣсь въ двухъ фигурахъ—владѣльца „Сегельфосса“ Виллаца Гольмсеиа и крупнаго купца, прі-

ловский Л., Войтинский Вл., Воробьев Б., Гернетъ М., Ганцбургъ Н., Граммъ В., Гольденбергъ А., Гурвичъ И., Давидовъ А., Деборинъ А., Дейчъ Л., Дроздовъ Г., Плещинъ Е., Жбанковъ Д., Загорскій С., Зилевскій К., Иорданскій Ник., Калмыковъ Ф., Клейнбортъ Л., Коллонтай А., Крамфельдъ В., Кржисевичъ Л., Ларскій Г., Лосиловъ А., Лосицкій А., Лукашевичъ Г., Ляцкий Ев., Майский В., Масловъ П., Морозовъ Н., Наумовъ Г., Невздомскій М., Орловскій П., Ортодоксъ, Орианскій Л., Павловичъ М., Пажитновъ К., Пименова Е., Плещинъ Г., Половскій Гр., Попелоничскій А., Ражковъ Е., Рубакинъ П., Рубиновъ И., Сватиковъ С., Семинъ О., Соболевъ М., Смирновъ В., Степановъ Ю., Таштаровъ К., Тиандеръ К., Туранъ-Барановскій М., Тилишковъ Д., Тасинъ Н., Тусендгольдъ Я., Финкль-Енотасевскій А., Фришъ Вл., Чернышевъ И., Цылерманъ Г. и др.

Систематическое освѣщеніе сложныхъ и разнообразныхъ явленій текущей жизни въ ихъ хронологической и идейной послѣдовательности является задачей **постоянныхъ отдѣловъ**:

Литературные отклики. *Вл. Крамфельда.*

Политическія замѣтки. *Ник. Гурданскаго.*

Вопросы текущей жизни. *Л. Клейнборта, Г. Ларскаго.*

въ Россіи и на Западѣ (материалы по исторіи общественныхъ движеній)

Н. Рязанова.

Провинціальныя картинки. *Евг. Чирикова.*

Басни и сатиры. *Дельяна Биднаго.*

Иностранная жизнь. Письма изъ заграничья. *В. Майскаго, М. Пераурена, М. Павловича, Н. Тасина.*

Библиографія. Обзоры новѣйшей литературы по отдѣльнымъ отраслямъ знанія и отзывы о новыхъ книгахъ.

Несмотря на значительное вздорожаніе производства, вълѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ военного времени, издательство ограничивается только вынужденнымъ дѣйствительною необходимостью повышеніемъ подписной цѣны.

Подписная плата:

На годъ . . . . 10 руб.   На полгода . . . . 5 руб.

съ доставкой и пересылкою по всей Имперіи.

Безъ доставки въ Петроградъ на годъ 9 р.   На полгода . . . . . 4 р. 50 к.
За границу на годъ . . . . . 14 „   На полгода . . . . . 7 „ — „

Условія разсрочки. Для годовыхъ подписчиковъ, при непосредственномъ обращеніи въ контору журнала, допускается разсрочка

къ 1 января . . . . 3 р.   къ 1 іюля . . . . . 3 р.
къ 1 апрѣля . . . . 3 „   къ 1 сентября . . . . 1 „

Подписка на иные сроки, кромѣ указанныхъ, не принимается.

Общественныя, казенныя и частныя учрежденія, при подпискѣ по монѣ 10 экземпляровъ, пользуются скидкою.

Книжные магазины, принимая подписку, удерживаютъ въ свою пользу 50 к. съ годового экземпляра и 25 к. съ полугодического (съ заграничныхъ подписчиковъ 70 к. съ годового и 35 к. съ полугодического).

Подписка на иные сроки, кромѣ года и полугода, отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Розничная цѣна отдѣльнаго номера 1 р.; наложеннымъ платежемъ 1 р. 15 к. Перебѣна адреса 25 к. (можно марками).

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Басковъ пер. 35.